

The background of the cover is a detailed illustration of a large, multi-story European-style house with a red-tiled roof and numerous windows. In the foreground, an elderly woman with short, wavy grey hair is depicted from the waist up. She is wearing a dark, high-collared coat and holding a magnifying glass in her right hand, looking through it with a focused expression. The scene is set outdoors with some foliage visible on the left and a warm, golden light suggesting a sunset or sunrise.

РАССЛЕДОВАНИЕ ТЕТУШКИ АГЛАИ

МАКСИМ
КОТВИЦКИЙ

Максим Котвицкий

Расследование тётушки Аглаи

<https://litres.ru/74482882>

SelfPub; 2026

Аннотация

Москва. Застойные семидесятые. В respectable квартире профессора-искусствоведа находят тело хозяина. Официальная версия следствия — сердечный приступ на фоне нервного срыва. Но для пенсионерки Аглаи Иннокентьевны Птицыной запах валерьянки в кабинете смешивается с запахом лжи.

Аглая — не профессиональный сыщик, а бывший химик-аналитик с острым умом и привычкой замечать то, что другие считают мусором: волокна шерсти чужого кота на рукаве, следы десятки рублей на дубовом столе и пепел сожженной рентгеновской пленки в камине. Вместе со своим старым товарищем Львом Бергом она начинает собственное расследование, которое очень мешает следствию. Суровый полковник Кречетов готов закрыть дело по звонку сверху, лишь бы эта дотошная старуха перестала путаться под ногами.

Содержание

Дело о павлиньем пере, или Как Аглая	4
Иннокентьевна испортила статистику	
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Максим Котвицкий

Расследование тётушки Аглаи

Дело о павлиньем пере, или Как Аглая Иннокентьевна испортила статистику

Снег в Москве всегда падал как-то театрально — крупными, тяжелыми хлопьями, которые мгновенно превращались под ногами прохожих в грязную кашу. Но внутри старинного доходного дома на Сивцевом Вражке время словно остановилось. Квартира профессора-искусствоведа Всеволода Аристарховича Знаменского пахла сушеными травами, старым деревом и нафталином.

В кабинете, обитом темными дубовыми панелями, горел лишь свет настольной лампы с зеленым абажуром. Профессор сидел в вольтеровском кресле, уронив голову на грудь. Его правая рука безвольно свисала, а пальцы едва касались ворса персидского ковра. Рядом валялась опрокинутая чашка из кузнецовского фарфора. Чай расплылся темным пят-

ном, напоминающим очертания Африки. На столе стояла пустая аптечная склянка с надписью «Валериана». Никаких следов борьбы.

Аглая Иннокентьевна Птицына попала в эту квартиру не по долгу службы, а по старой дружбе. Бывший следователь царской полиции Лев Григорьевич Берг, ныне скромный библиограф, позвонил ей рано утром:

— Аглая, душа моя, тут молодежь пытается доказать, что дважды два равно стеариновая свечка. Приезжай. У нас труп старого эстета, а они ищут политическую подоплеку.

Аглае было шестьдесят три года. Она одевалась так, будто Гражданская война еще не закончилась: твидовые костюмы мужского кроя, тяжелые ботинки и неизменная брошь в виде скарабея. Лицо ее, покрытое сеточкой морщин, излучало то спокойное любопытство, с каким энтомолог рассматривает редкую букашку.

Следователем был назначен Петр Нилыч Кречетов — человек плотный, красный лицом, с густыми усами, которые он постоянно теребил, когда нервничал. Он носил мешковатые габардиновые костюмы, которые вечно лоснились на локтях, и галстуки в бурых пятнах от борща. Кречетов ненавидел интеллектуальные загадки; для него преступление должно было иметь мотив "украл-выпил-в тюрьму".

Когда Аглая вошла в гостиную, она застала там всех дей-

ствующих лиц трагедии, собравшихся вокруг тела, как актеры перед закрытием занавеса.

Инесса Львовна, племянница: дама сорока пяти лет, отчаянно пытающаяся выглядеть на тридцать. Одета в шелковый пеньюар поверх комбинации — видимо, полиция подняла ее прямо с постели. На тонких пальцах алели рубины размером с вишню. Характер хищный, хваткий, но трусливый. Сейчас она кусала губы, размазывая по лицу дорогие французские слезы.

Арсений Мятлев: молодой поэт лет двадцати двух. Худой, сутулый, с длинными сальными волосами, спадающими на воротник бархатной блузы. От него пахло дешевым одеколоном «Кармен» и безнадежностью. Он заламывал руки, закатывал глаза к лепнине и бормотал строки Блока, симулируя глубокий эстетический шок.

Глеб Борисович Рюмин: сосед сверху, работник Внешторга. Идеально выбрит, в дорогом костюме-тройке из английской шерсти. Держит спину ровно, говорит тихо, взвешивая каждое слово. Взгляд прозрачный, холодный, оценивающий. Он единственный смотрел не на тело, а изучал реакцию окружающих, делая пометки в невидимом блокноте памяти.

Варвара Никитична: бывшая балерина кордебалета, ныне профессиональная вдова и сплетница. Громкая, экзальтированная, вся в оборках и фальшивых жемчугах. Она махала руками, рискуя разбить хрусталь бра, и причитала о том, ка-

кой это удар для советской культуры.

— Это всё нервы! — вещала Варвара. — Мы играли в буриме! Всеволод читал свои мемуары про эмиграцию... Он дошел до главы, где описывал кражу яиц Фаберже в Харбине, схватился за горло и упал!

— Чушь, — отрезал Рюмин. — У него была стенокардия. Я сам слышал, как он жаловался доктору Крейвену неделю назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.